

Д. МИНЕНКОВ

НАТА КОМНАТА

12+

Дмитрий Миненков

Пятая комната

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Миненков Д.

Пятая комната / Д. Миненков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Сборник состоит из четырёх рассказов, являющихся ключами к дверям от совершенно разных миров. Они существуют по своим правилам и подчиняются собственным законам, но это не спасает их от хорошо знакомых нам проблем. Как найти свой путь среди сотен различных дорог, если очередной выбор ставит под сомнение все предыдущие решения? Откройте каждую из комнат и взгляните на ответы, хранящиеся в них. Только тогда вы получите шанс войти в пятую комнату и осознать, какая дорога уготована именно вам.

Содержание

Туман	5
3 балла	7
1 балл	10
2 балла	15
0 баллов	17
4 балла	19
Гостиница «Сон»	20
23:16:42	21
3:05:24:07:39:17	22
21:06:42:13	25
15:09:28:04	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Миненков
Пятая комната

Туман

3 балла

Больше ничего не связывает меня с этими стенами из белого кирпича, редкими деревьями меж домов и теми немногими, что ещё скрываются за пугающими лицами обшарпанных фасадов в надежде на то, что совсем скоро всё вокруг преобразится и на этот раз они точно не останутся в стороне. Люди здесь по-прежнему ждут чудесную волну всеобщего счастья и благоденствия, которая пронесётся даже по самым гиблым улицам и непременно заглянет в их убогие каморки, щедро одаривая каждого.

Кто-то не выдержал и зажёл свет. Окно в доме напротив вспыхнуло одиноким прожектором, пробив на мгновение лучом света пелену неподатливого здешнего тумана. Он некое подобие местной достопримечательности, жаль, желающих на него поглазеть, кроме нас, никого больше не нашлось. А ведь эта густая дымка – пожалуй, единственное, чем мы по-настоящему гордимся. Хотя гордость вызывает скорее то, что те немногие, кто остался, смогли жить в толще этого плотного серого занавеса.

Окно погасло, не продержавшись и минуты. Так им и надо. Излишняя дерзость совсем ни к чему. Надеюсь, они выключили свет по собственной воле, вовремя сообразив, что чуда не произойдёт. В противном случае они растворились, как и те, что решили, будто они чем-то лучше нас и всё это сойдёт им с рук. Впрочем, нередко случалось, что свет зажигали не только, как принято у нас говорить, из-за тщеславного помрачения.

"У нас", "мы" – всё это в прошлом. Теперь я сам по себе. Такие решения даются очень тяжело, но, сидя здесь, у обугленного остова небольшого бревенчатого домика, я понял, что всё вокруг больше не является частью меня. Будто незаметно надломился и разом оторвался связующий стебель, прежде насквозь прораставший в меня и пустивший корни к каждой частичке моего тела. Раз и всё. Было совсем не больно. Только пусто и неудобно. И как ни старайся, не найти теперь в себе ни единого живого волокна того стебля, единившего меня на протяжении стольких лет с этим местом.

Может те, озарившие вечный полумрак лучами света, тоже ощутили, что больше ничто их не связывает. Теперь они свободны. Свободны и одиноки, как никогда прежде. И вот, не справившись с этой тяжкой ношей, они решили просто раствориться в клубах хищного тумана.

Готов ли я к такому финалу? Не знаю. Уже которую ночь, сидя здесь, я пытаюсь решить, как быть дальше. Или просто обманываю себя, и как остальные жду неведомого чуда, невероятного решения всех проблем.

Вот опять. Я запутался.

Очередная ночь уместилась в полпачки сигарет. Теперь меня окружили предрассветные сумерки, утопающие в тяжёлой серой дымке. Хороший повод закурить ещё одну.

Недавно я спросил себя, для чего глотаю этот табачный аналог ненавистного тумана. Наверно надеюсь, что сигаретный дым поглотит меня раньше его треклятого братца. Или же, запуская в лёгкие очередную порцию табака, я представляю себя бесстрашным пожирателем тумана.

Очередной мой вопрос без однозначного ответа.

Тем временем рассвет захлёбывался, не в силах противостоять местному злодею.

В этом городе привычные правила давно утратили какое-либо значение.

Не секрет, что ночью полотно реальности рассыпается, приобретая непредсказуемые, причудливые изгибы. Иногда случается, что под утро изломы и неровности скрывает туман. Обычно вместе с ним вся декомпозиция и рассеивается. Но бывает и так, что туман не намерен отступать и остаётся лёгкой дымкой лежать под лучами нового дня, храня в себе тайные дефекты ночи. Однако долго такой дисбаланс сохраняться не может, и вскоре наполненная неведомым дымка рассеивается, уступая место повседневной реальности.

В нашем городке туман не исчезал уже который день...

– "Который день"? – переспросил Игорь. – Может лучше "который год". Мама рассказывала, что дымка эта ещё со времён её детства в городе висит.

– Да, но тогда туман только на Заводской появлялся, – уточнил Даня, – и то не постоянно, а теперь он почти на каждой улице.

– Ну, не знаю, мама тогда на Литовской жила, и они всем двором в нём в прятки играли почти каждый день. А ты говоришь: только на Заводской.

– Что от деда слышал, то и говорю, да и в газетах то же самое писали.

Данил работал помощником в архиве, по совместительству – краеведческом музее, поэтому часто ссылался на всякую макулатуру, которую он читал, чтобы не зачахнуть от безделья.

– Они ещё думали, что это химия какая-то с завода в атмосферу уходит, вот и стоит всё в тумане, форточки закупоривали, на улицу выходить боялись. Но потом комиссия сказала, что завод чист, а географы обнадёжили, что это всё особенности ландшафта, перепады высот, болотистая местность и всякое такое.

– Но ведь завод ещё долго оставался главным подозреваемым?

– Ну, да, дед мой до сих пор его матюгами кроет, мол это их радиоактивный туман нам свет белый застит. То, что завод лет двадцать как закрыли, его вообще не смущает.

Стас не участвовал в диалоге, он отвлечённо искал что-то на бескрайних просторах интернета, умещённых в семь дюймов экрана дешёвенько планшета.

– Станислав Викторович, вы ещё с нами или творческий вечер можно считать завершённым? – поинтересовался Данил.

– Я... А... Да не знаю, я тут на ходу просто дописывал, по-моему, совсем плохо вышло. Я подправлю и в следующий раз тогда ещё почитаю.

– Понятно. Отныне ты – жертва творческих терзаний, – подытожил Даня.

– И как вам? – робко спросил Стас.

– Знаешь, – Данил выдержал короткую паузу, – на удивление неплохо.

– Да, – закивал Игорь, – так сказать, на злобу дня.

Комната затихла.

– Развёрнутая реакция, ничего не скажешь, – проворчал Стас.

– Ну, а ты чего от нас ожидал? Жаркой дискуссии? – удивился Даня. – Мы ж не литературные критики в конце концов. И вообще, рассказ ещё не дописан, а тебе уже отзывы подавай.

– Трейлер был годный, ждем, что будет дальше, – добавил Игорь.

– Ты Дашке это прочитай, она вообще в экстазе будет: "Мой Стасик, да ещё и писатель", – пошутил на любимую тему Данил.

– Я лучше твоему деду прочту!

– Не, это ты зря, Валерий Семёныч, к высокому искусству холоден. А вот Дашка – другое дело, художественное училище, сам понимаешь, тонкая натура.

– Прекрати, ты же знаешь, что мы... я... от неё слишком сильно устаю.

– А зачем ты с ней до сих пор встречаешься?

– О, это дело известное, – непринуждённо подметил Игорь.

– Нет, не было у нас ничего и не будет.

– Дед бы тебе на такое сказал: "Дурак ты, Стас, и уши у тебя холодные".

– А причём тут уши?

– В такие откровения он со мной не пускается. А самому узнавать, как-то желания не возникало.

– Мы в магазин-то идём? – поинтересовался Игорь. – А то там почти стемнело, а вы всё спорите непонято о чём.

– О, Игорь, как далёк ты от нашей великосветской полемики, – театрально декламировал Данил. – Не удивительно, что ты без сожаленья готов променять этот драгоценный эликсир для ума на палку колбасы из супермаркета.

– Дань, я тебе сейчас тресну, – шутливо пригрозил Игорь.

– А что там по погоде? – в нерешительности застыв перед открытым шкафом, спросил Стас.

– Нууууу, прогноз туманный, – протянул Даня, вглядываясь в пейзаж за окном.

– Этот туман уже в печёнках сидит, – сказал Стас, втискиваясь в толстовку.

– Поаккуратней бы отзывался о своей музе.

– Вы опять о Дашке? – выпалил потерявший нить разговора Игорь, вернувшись из кухни с кружкой воды.

Все дружно засмеялись.

– Ладно, пойдёмте, а то до магазина будем брести как ёжики в тумане.

И под истошный вопль "Ёоооожик!" в исполнении Данила, друзья вышли из Стасовой квартиры.

1 балл

В нашем городке туман не исчезал уже который год. Сейчас кажется, что он был всегда, только вот раньше никто не обращал на него особого внимания. Но всё это время туман рос, и теперь не замечать его стало невозможно.

По утру, гонимый ветром, а то и без всякой видимой причины он сбивался в громоздкие плотные сгустки дымчатой материи. Так наряду с обычным туманом, который уже никого не удивлял, периодически в городе появлялись аномальные участки. Там туман напоминал скорее густой оживший дым. Он обволакивал тусклые стены, карабкался по корявым сучьям, медленно полз по проводам, просачивался в приоткрытые форточки. И главное – он начал схлопываться.

Не знаю, как лучше описать этот процесс. Прежде в наиболее затуманенных районах возникали некоторые проблемы со светом: порой плотная дымка практически не пропускала ни естественный солнечный свет, ни его множественные искусственные аналоги. Свет словно застревал в этом странном тумане.

Теперь же дела обстояли гораздо хуже. По городу пошли слухи, что некоторые из живущих в низине у реки бесследно исчезли. Говорят, из-за стекающего сюда тумана люди перестали жалеть электричества, пытаясь хоть как-то сопротивляться назойливой аномалии. Вслед за этим туман начал усиленно стекаться к особо ярким фонарям и хорошо освещённым домам и стягивался вокруг них до тех пор, пока моментально не сжимался, оставляя после себя все лампочки в округе перегоревшими, а нескольких горожан пропавшими без вести.

Город погрузился в темноту сомнений и страхов, а туман стал дожидаться нового всплеска сопротивлений. Но вскоре смельчаков почти не осталось, как не осталось зажжённых фонарей и окон на ночных улицах запуганного неизвестностью города.

Я много раз думал о том, чем всё это закончится. Вот и теперь, облокотившись на ржавые перила местного моста, я вновь погрузился в омут своих мыслей.

Зачем каждый день я шляюсь одним и тем же маршрутом по опустевшим безлюдным окраинам? Что мешает мне спуститься к реке и, забравшись поглубже в туман, зажечь покоившийся на дне рюкзака фонарь? Почему бы просто не уехать в другой город?

Похоже я всё ещё не готов ответить на эти вопросы...

В ярком свете луны подёрнутая пеленой тумана река своим цветом напоминала воду в стакане после школьного урока рисования. Странно, что на ум пришло именно это...

Пора идти дальше.

– Ну, как-то так, – неуверенно оборвал повествование Стас.

– Пока неплохо, – сдержанно прокомментировал Данил, – сумбурно отчасти и не совсем понятно, к чему всё идёт, но не надоедает.

– Спасибо.

– Когда планируешь дописать? – вместо отзыва спросил Игорь.

– Без понятия. Я пока не знаю, чем закончить.

– Всё забываю спросить, а кто главный герой? – подключился к расспросам Даня.

– Хм... я об этом, как-то не думал... Я, наверное, и есть главный герой.

Стас начал нервно искать по комнате сигареты. И наконец, найдя заветную пачку, закурил и довольный плюхнулся в кресло, выпуская струю горького дыма.

– Это вторая за час! – возмутился Даня. – Зачем ты столько куришь?!

– Не знаю. Успокаивает. Что-то типа дыхательной гимнастики.

– О, ты загнул! Гимнаст! А что тебя так нервирует, не могу понять?

– Мысли, – Стас демонстративно постучал костяшками пальцев по лбу.

– Это ты про свои творческие порывы?

– Нет, не совсем. Обо всём сразу писать не получается. Слишком много всего в голове крутится.

– Например?

– Ну, вот знаешь же, все говорят: "Время лечит". Я долго думал над этим. И мне кажется, что не лечит оно никого. Время просто обесценивает всё произошедшее.

– Ты давно таким заумным стал? – удивился Даня.

– Разве? По-моему, я всё такой же.

– О, ну это ты себя со стороны не слышал.

– Просто я не знаю, как по-другому выразить свои мысли.

– Как говорит мой дед: "Будь проще и люди к тебе потянутся".

– Да не нужны мне никакие люди!

– Правильно, зачем, – улыбаясь, заговорил Игорь, – у него и так мы и Дашка есть – этого вполне достаточно.

– Да, я тоже считаю, что это – исчерпывающий набор социальных связей, – согласился Даня.

– Вот видишь, ты тоже сложно говоришь! – попытался парировать Стас.

– Это я, чтоб тебе не одиноко было в своём заумстве.

Стас не ответил, и принялся молча перебирать ящики письменного стола, просматривая и разбрасывая по кучам тетрадки и папки с бумагами.

– Чем ты там занимаешься? – не выдержал Данил.

– Хлам разбираю.

– Что же тебя к этому сподвигло? Мать приезжает?

– Не, мать же только была в конце лета. Теперь на Новогодние должна приехать.

– Короче, проявляешь личную инициативу?

– Да нет, просто есть у меня одна мыслишка.

Стас принёс из кухни большой мусорный пакет и принялся набивать его ненужными бумагами.

– Мне кажется, эти мыслишки мешают тебе спокойно жить.

– Вообще, иногда мной овладевает почти полная уверенность в том, что жизнь – это череда сложных волевых решений, мучительных терзаний совести или гордости, невыносимых часов ожидания, а все следующие за этим послабления и вознаграждения – просто суррогат. В покое нет и толики подлинной жизни.

– По-моему, это уже совсем какая-то ересь, – запротестовал Данил. – Судя по твоим пламенным речам, нынешнее положение маргинала-выпускника местной шараги с перспективой раствориться в тумане вместе со всем городом – это и есть настоящая жизнь. Я правильно понимаю?

– Да, выходит, что так.

– То есть, если тебе удастся выбраться из этого дерьма, жизнь оборвётся?

– Да, момент моего освобождения будет не жизнью как таковой, а пародией на неё, подделкой, называй, как хочешь.

– А потом непременно появятся новые проблемы и начнётся новая жизнь?

– Именно.

– Нет, Дань, тут всё верно выходит, – поддержал друга Игорь. – Сам подумай.

– Какие новые жизни, какие пародии?! – неожиданно вспыхнул Даня. – Вы совсем обалдели?! Жизнь одна, её первое и последнее окончание – смерть, больше никаких жизней нет и быть не может!

– Не нервничай ты так, – примирительно сказал Стас, – Я ж тебя не заставляю в это верить.

– Я вообще не понимаю, чего ты добиваешься?!

– Пытаюсь решить, чем станет для меня схлопывание тумана и что будет после.

– Ты совсем рехнулся со своими сказками?! С чего ты вообще взял, что этот чертов туман схлопывается?!

– А вот мы и проверим.

Стас встряхнул набитый наполовину мешок и, перехватив его поудобнее, отправился в коридор.

– Пойдёмте.

– Ты на ночь глядя мусор решил вынести? – успокаиваясь, спросил Даня.

– Ага, почти, – сказал Стас, обуваясь в коридоре.

Друзья, не до конца понимая намеренья Стаса, поспешили за ним. Перекинув мешок через плечо, он выскочил из подъезда и уверенно направился на пустырь в низине у дома.

Туман здесь был плотнее обычного, и ноги скрывались в нём почти до колена.

– Ты привёл нас на ночное randevу со своей музой? – язвил Даня.

– Да, сейчас только свечи зажгу.

– Мог бы и предупредить, мы б хоть оделись попримечнее.

Дуэль колкостями прервалась, когда Стас ловко разжёл собранную кучу старых тетрадей и ненужных бумаг.

– И ты считаешь: сейчас что-то произойдёт? – спросил Игорь, наблюдая за набирающим силу пламенем.

Огонь недолго теснил серую пелену, укрывавшую землю. И вскоре туман перешёл в контрнаступление, сгущаясь вокруг костра и словно пытаясь образовать вокруг него купол.

– Похоже наша любимая метеоаномалия не в восторге от твоей затеи, – подметил Даня.

– Я тоже уже не в восторге, – Игорь опасно смотрел на метаморфозы, происходящие со стекающимся в низину туманом.

– Схлопнется, – уверенно заявил Стас.

– Нет, покорячится и всё, – не согласился Данил.

– Может лучше потушим, – раздался голос Игоря, его самого, стоявшего немного поодаль, было уже практически невидно в сером сумраке тумана.

Костёр почти прогорел, но оставшегося пламени казалось достаточным, чтобы катализировать уже запущенный процесс.

– Спорить будем? – иронично предложил Даня.

– Победитель не получает ничего?

Туман продолжал уплотняться и стягиваться к огню. Он мягко напирал сзади так, что Стасу казалось будто он стоит, прижимаясь спиной к очень большому мягкому матрасу.

Даня оторвал взгляд от затухающего племени – всё вокруг было погружено в утративший всякую прозрачность туман. Если что-то и могло произойти, то от неведомого друзей отделяла пара мгновений.

Но Игорь решил, что есть вещи, которые лучше не знать.

Из тумана в костёр несколько раз метнулась тень, разорвав тишину глухими хлопками. На остатках забитого пламени Игорь топтался уже двумя ногами.

От неожиданной развязки первым очнулся Даня:

– Ну и что это за порывы?

– Да жутко как-то стало... не видно ни черта... туман ещё этот меня облепил... как будто в поролон завернули.

– Психанул короче, – подытожил Даня.

– Типа того.

– Надеюсь, Станислав Викторович набрал достаточно нового материала для своего творчества. А теперь давайте выползайте отсюда, а то эти вечерние забавы меня утомили, – и Данил нырнул в начинающий отступать туман.

– Подожди! – крикнул ему вслед Игорь. – Мы за тобой не успеваем, не очень хочется тут наугад бродить... Стас ты чего там застрял? Пошли!

– Да, я сейчас... догоню...

– Что он там бормочет? – раздражённо обернулся Даня и, увидев блёклый луч света, разрывавший туман, тут же закричал. – Выруби свой сраный фонарь!

Но было уже поздно.

Туман обрушился со всех сторон.

Он навалился всей своей невероятной тяжестью на Данила, и тот, не выдержав, упал. Его тело вжимало во влажную землю с такой силой, что казалось, будто сверху на него давит не озверевший туман, а бетонная плита. Кое-как он повернул голову и, отплёвывая грязь, и ещё раз выкрикнул:

– Выключай, Стас!

Но его голос словно утонул в застилавшей всё вокруг завесе, а затем утонул и он сам, судорожно хватая ртом густую смесь воздуха с тягучим туманом.

2 балла

– Гхгхааа, – громко вздохнул Даня, наполняя лёгкие воздухом и грязной водой, от которой только что оторвал своё лицо, и тут же перевернувшись набок закашлялся.

– Аааа, – надсадно простонал он, выползая на четвереньках на заиленный берег, всё ещё не в силах отдышаться.

Завидев лежащего навзничь Стаса, он, поднимаясь на ноги, бросился к нему с криками:

– Сволочь! Я же чуть не захлебнулся!

Стас не успел поднять гудящую от случившегося голову, как тут же получил размашистый удар в лицо.

– Я тебе этот фонарь в жопу засуну! – кружился над стонущим Стасом Данил. – Экспериментатор недоделанный! Ты поубивать нас решил, придурок!

– Ты же сказал не схлопнется, – медленно поднимаясь, прохрипел Стас.

Данил уже готов был броситься на него и избить до полусмерти, как вдруг почти над ухом у него раздалось оглушительное:

– Даня! Стас! Вы где?

Из стены тумана, полукругом обступившей заросший берег грязной заводи, весь перепачканный илом вышел Игорь. За спиной он волочил что-то издалека напоминавшее кусок деревянной стены или забора из длинных трухлявых досок.

– Я очнулся в каких-то камышах, – сходу начал обрадованный найденным друзьям Игорь. – Туман там ещё хуже, чем был на пустыре. Я как голоса знакомые услышал сразу на звук и пошёл.

Даня, немного успокоившись, выбрал место посуше и сел:

– А что за деревяшки ты притащил? Шалаш строить собрался?

– Дань, я понимаю тут темно, но не настолько же, – с этими словами Игорь с шумом сбросил щит из грубо сколоченных досок в тину у берега. – Это плот!

– Когда ты его сколотить успел? – вытирая лицо рукавом олимпийки, поинтересовался Стас.

– Ты издеваешься? Я о него споткнулся по дороге к вам, вот и решил сразу захватить.

– Зачем? – Данил, не вставая, рассматривал находку. – Куда ты на нём плыть собрался?

– Вы вообще понимаете, где мы? – ответил встречным вопросом Игорь.

– Ну, судя по тому, что мне пришлось испытать перед тем, как я здесь оказался – в аду, – заявил Даня.

Стас прыснул смехом.

– Я бы на твоём месте не стал бы навлекать на себя мой праведный гнев, – серьёзно пригрозил Даня, – убийца несчастный.

– Я, конечно, не знаю, что там произошло после того, как этот туман отовсюду поплёр, и меня об землю приложило, – продолжил Игорь, – но мы оказались в другой стороне города, за улицей Дружбы, на самой окраине. Я тут прожил всё детство и этот пруд по запаху узнаю.

– Так куда же нам теперь идти, Сусанин? А то ночевать здесь я желанием не горю.

– В этом-то вся и проблема. Нам придётся плыть.

– Плыть! – завопил Даня. – Да вы с ума что ль посходили!

– Послушай, этот так называемый пруд – остатки заброшенного крупного водохранилища, тут на несколько километров в обе стороны болота из мусора, ила и водорослей. Там ходить можно только в сильную засуху днём, да и то все ноги поломаешь, а сейчас мы там просто не пройдем.

– А что, если утра подождать, – предложил Стас.

– Чтоб я с пневмонией потом слег! – прогремел Данил. – Мы все промокшие, а на дворе далеко не знойный июль. Или ты нам хочешь ещё один костёр развести, пироман-самоучка?!

– Я просто предложил, – спокойно ответил Стас. – И плыть я не против. Простите, что так вышло с фонарём с этим... не хотелось так просто уходить, не увидев, чем всё это заканчивается...

– Ладно, принято, – ободряюще произнёс Даня. – А сколько тут плыть? И ты точно уверен, что мы отрезаны от цивилизации этим водохранилищем, ты не ошибся?

– Плот был к затонувшему ЗИЛу привязан, а это – неизменный ориентир. Да и плот, наверное, местные мальчишки, как запаску оставили, чтоб в случае чего на этом берегу не остаться.

– Игорь, в наше время дети не сплавляются на плотках, их первобытные повадки обуздал интернет. Кстати, об интернете, – спохватился Данил, – телефон у кого-нибудь с собой.

– Наши с тобой на зарядке остались, – сказал Стас, пробуя плот на устойчивость.

– Это я знаю!

– Мой походку промок, и теперь не включается.

– Отлично!

– Да не волнуйся ты, мы с пацанами за семь минут переплывали. А личный рекорд у меня вообще один из лучших во дворе: девять с половиной минут.

– Да ты мореход со стажем, как я посмотрю!

– Можно и так сказать

– А весло есть? – спросил Стас.

– Крайняя доска справа должна легко сниматься, мы часто так делали, чтоб весло не терять.

– Ага, нашёл.

– И как меня угораздило в это ввязаться, – скорбно причитал Данил, забираясь, на готовый к отплытию плот.

0 баллов

– Ты по-прежнему считаешь, что десяти минут ещё не прошло?! – уже в который раз возмутился Данил.

– Дань, ну хорош уже, – без особого энтузиазма оправдывался Игорь, – я правда не понимаю, что происходит. Даже если мы бы поплыли вдоль водохранилища, то давно уже должны были увязнуть в иле. Но мы-то по-прежнему на воде.

Игорь демонстративно похлопал импровизированным веслом по сокрытой в тумане водной глади – раздалось несколько приглушенных всплесков.

Озлобленный Даня со всей силы ударил кулаком по воде, подняв фонтан брызг:

– Я уже понял, что мы посреди этой чёртовой лужи! Дальше ты что предлагаешь делать?!

– Не знаю, – Игорь беспомощно опустил весло на колени.

– Может, мы по кругу плаваем, – предположил Стас, всё это время тихо сидевший ближе к краю.

– Спасибо за идею, дорогой друг! – продолжал бушевать Даня. – А то раньше было не понятно! Делать-то теперь что?! Я тебе напоминаю, что мы сейчас находимся посреди заболоченного водохранилища на тухляком плоту с заблудившемся капитаном, а вокруг нас твой любимый туман, который, по-моему, снова озверел и начал сгущаться, потому что я теперь даже намёка на лунный свет не вижу!

– Я понимаю... – примирительно начал Стас.

– Отлично! – перебил Даня. – В ситуации ты разобрался. Что предложишь? Фонарик повключать?

– Он перегорел.

– Да?! Как жаль... я, кажется, тоже...

Данил затих, и стали слышны лёгкие удары капель по воде.

– Дождь пошёл, – устало прокомментировал Игорь, почувствовав себя неуютно в образовавшейся тишине.

– Как же меня всё достало, – злобно процедил Даня.

Издалека послышались отзвуки грома, и барабанная дробь дождя стала учащаться с бешеной скоростью. Прошло всего несколько мгновений и ливень стеной обрушился на отчаявшихся друзей.

– Нет, ливень – это уже слишком, – словно, говоря сам с собой, произнёс Данил.

– Придётся пережить, – отирая струящиеся по лицу потоки воды, сказал Игорь. – Зато, может, после дождя туман хоть немного рассеется, ориентиры какие-нибудь выглянут.

– Да, непременно так всё и произойдёт, – отвечал странным голосом Данил, уставившись в непроницаемый занавес из потоков воды и тумана. – Главное – верить и ждать... верить и ждать...

Данил несколько раз окунул ладони в воду, скрытую от глаз серой дымкой, затем поднялся во весь рост и молча шагнул за пределы плота, бесшумно растворившись в густом тумане.

– Данил! – первым опомнился Стас и бросился следом, чуть не перевернув плот.

Игорь еле успел схватить его за плечи и удержать от прыжка в неизвестность:

– Прекрати! Ты нас чуть не потопил!

– Но Даня! Ты видел?! Он же спрыгнул!

– И ты за ним собрался в холодной воде барахтаться?

– Он же утонет!

– Не утонет в отличие от нас. Ещё раньше, чем мы, до берега доберётся. Он же плаваньем третий год занимается.

Стас тяжело дышал, а частые удары сердца разливались тупой пульсирующей болью в его голове. Все стало казаться ему нереальным. Он переставал верить в мир, безобразно перекоенный туманом.

– Держи, – Игорь оторвал с края ещё одну доску и вручил её Стасу, – вдвоём быстрее догребём.

Плот медленно двинулся, прорывая крепкую материю тумана. Или они баламутили воду стоя на месте? Стас уже не мог ответить для себя на этот вопрос. Он пытался высмотреть по сторонам хоть что-то. Но картина вокруг оставалась неизменной. Словно подымавшийся из-под земли туман встречался с нещадными потоками воды с неба, делая непостижимым все происходящее за пределами плота.

– Давай немного левее! Сейчас вправо! – периодически распоряжался Игорь.

Стас молча выполнял, даже не оборачиваясь на сидящего слева друга. В какой-то момент ему начало казаться, что голос Игоря раздаётся в его голове. А сам он появится рядом, только когда Стас посмотрит в его сторону. Им овладело ощущение, что нескончаемый ливень просочился в его череп и теперь вместе с нараставшим уровнем воды всплывали припрятанные доселе мысли. Стас в ужасе наблюдал за сокрушительным паводком внутри себя.

Что если туман читает мои мысли и создаёт то, что я хочу увидеть?

– Налево! – раздался оглушительный голос Игоря.

Стас отпустил весло и до боли зажмурил глаза. Его тело затряслось мелкой дрожью. Холод и страх. Всё остальное он больше не чувствовал.

«Значит, ничего больше и не существует», – зазвенела пронзительная мысль.

Он больше не мог оставаться на месте. Ему захотелось немедленно убежать, скрыться от самого себя.

Стас поднялся и рванул вперёд, ничего не чувствуя под ногами, не разжимая плотно стиснутых век.

Потеряв равновесие, он упал, больно ударившись о холодную мокрую землю.

4 балла

Прощальная церемония затянулась, но вот, наконец, я сел в маршрутку и гроыхание автоматической двери неумолимо отсекало от меня прошлого, облегчая расставание.

Я пожал руки и обнял всех, с кем чувствовал необходимость проститься, вспомнил тех, кто покинул меня, не дождаввшись отъезда. Напоследок я прошёл по каждой улице города, с которым навсегда утратил родственную связь.

Мы теперь чужие.

Маршрутка шумно тронулась, заставляя сомневаться в её надёжности. Но я думаю, мы доедем. Должны доехать. Я выдержал все испытания этого коварного городка и больше ему не нужен. Отныне я здесь лишний. По крайней мере мне хочется в это верить.

Туман продолжал неустанно виться рваным шлейфом под колёсами машины. Если бы только знать наверняка, что он на самом деле задумал. Проводить, как полагается, в дальнюю дорогу и помахать мне вслед, или остановить в самый последний момент, больно дернув за ухо как нашкодившего мальчику.

Если бы только знать...

Гостиница «Сон»

23:16:42

Невероятно хотелось спать, просто рухнуть на кровать и забыться глубоким сном. Но впереди продолжало маячить полотно дороги, тускло подсвечиваемое автомобильными фарами, и, как назло, ни единого места для ночлега.

Эта дурацкая история с семейным скандалом: уйма взаимных обвинений, едкие оскорбления, глупый побег от проблем – всё мельчало и искажалось под давлением опускающихся век. Решение рвануть на машине куда глаза глядят казалось теперь нелепым ребячеством, но среди ночи без навигатора найти обратную дорогу домой было крайне затруднительно, да и сон продолжал диктовать свои условия.

На дороге практически не встречалось других машин, что лишь усугубляло дремотное состояние. Сказывалось и нервное перенапряжение вкупе с бессонными трудовыми буднями. Хоть бы одна паршивая ночлежка попалась по пути!

Когда сон становится единственным возникающим в голове желанием, реальность начинает будто бы размываться, события теряют свою значимость, пролетаемый на скорости поворот с указателем в сторону гостиницы становится не более, чем сновидением.

«Чёрт! Угораздило же меня проехать мимо!» – вдруг, неожиданно для самого себя, прокричал вслух Глеб. Звуки собственного голоса слегка ободряли его, и, хлопая себя по щеке он начал поспешно разворачиваться.

«Машина без навигатора и магнитолы – что может быть лучше! С первой же зарплаты, надо будет приобрести», – с этими мыслями Глеб подъезжал к парковке, оборудованной возле небольшой и очень уютной на вид гостиницы. На фасаде здания красовалась слегка подсвеченная вывеска: Гостиница «Сон». Это было как раз то, в чём Глеб так бесконечно долго нуждался, и, заглушив двигатель, он направился напрямик ко входу.

Справа от массивной деревянной двери, украшенной неразличимой в темноте резьбой, Глеб без труда обнаружил в мягких лучах уже знакомой подсветки небольшой звонок. Пару раз нажав на кнопку, он в недоумении прекратил это оказавшееся бесполезным дело – никакого звука за дверью не раздавалось. «Видимо, сломался», – подумал Глеб и уже начал заносить руку для стука в дверь, как вдруг она бесшумно отворилась. В темноте дверного проёма стояла фигура утомлённого и явно невыспавшегося человека в обычной одежде, никак не походившей на форму персонала.

Глеб захотел скорее сгладить вину перед этим несчастным человеком, вероятно, тоже захавшим сюда отоспаться, но разбуженным вторжением нового гостя.

«Изв... из... изв...», – Глеб пытался начать разговор, но слово «извините» каждый раз, начиная слетать с его губ, будто вдребезги разбивалось о невидимое препятствие и затухало, казалось, не производя никакого звукового эффекта. Точно дверной проём поглощал все направленные в его сторону звуки.

Глеб опешил и стоял, без толку открывая рот. Внимательно посмотрев на него, человек, по-видимому, всё же оказавшийся слугой, слегка кивнул и рукой указал ему вглубь темного помещения. Недоумевая и списывая своё внезапное безмолвие на сильную усталость, Глеб переступил порог гостиницы и будто провалился в столь долгожданный сон...

3:05:24:07:39:17

Глеб открыл глаза с чувством невероятной бодрости и свежести, казалось, так хорошо выспаться ему не удавалось ещё ни разу в жизни. Он лежал на просторной, по всей видимости, двухместной кровати, стоящей посреди уютной комнаты, выкрашенной в причудливую палитру серого и голубого. Несмотря на отсутствие окон, в помещении было очень комфортно находится: всё благодаря градиенту цвета и потайной подсветке, освещавшей мягким светом плавные переходы голубого в серый и обратно. Мебели в комнате практически не было: справа от кровати стояла низкая тумбочка, слева вдоль стены располагалась мягкая кушетка, на которой были аккуратно сложены вещи Глеба.

Спустив ноги на тёплый мягкий ковролин такого же серо-голубого цвета, как и всё в этой комнате, Глеб обнаружил на тумбочке чек с суммой, не то чтобы странной, а невероятной – примерно столько стоила его новая машина, только в полной комплектации.

«Явно вышло какое-то недоразумение», – подумал Глеб, хватая чек, чтоб получше его рассмотреть. Крышка тумбочки оказалась сенсорной панелью, загоревшейся при прикосновении.

Глеб отложил квитанцию и начал изучать интерактивную консоль, принятую им изначально за обычную тумбу. Приветливый интерфейс предлагал ему на выбор уйму вариантов оплаты счета. Но, во-первых, почти все свои доходы Глеб ежемесячно спускал на погашение кредита; а, во-вторых, сумма к оплате была очевидной ошибкой, ибо никак не могла соответствовать цене проведенных в этой гостинице часов (узнать точное время было неоткуда, но Глеб был уверен, что сейчас не позже полудня, а, следовательно, он провёл здесь не более двенадцати часов).

Со всем этим ему предстояло разобраться, и он, наскоро одевшись, пошёл к двери. Пару раз толкнув её, Глеб понял, что она плотно заперта и, судя по отсутствию ручки и замочной скважины с внутренней стороны, сделано это было снаружи. Он привычно ругнулся вслух, точнее попытался – нарушить царившую в комнате безмолвную тишину оказалось ему не под силу.

«Что за чертовщина?!» – раздумывал Глеб, садясь на мягкую кровать.

Долго думать на тему происходящего не пришлось – неожиданно дверь бесшумно открылась, и мягкий свет озарил измученное лицо вошедшего человека в гражданской одежде. Глеб моментально узнал в нём загадочного слугу, впустившего его ночью в гостиницу.

Попытка бросится к служащему с расспросами не увенчалась успехом: Глеб вскочил с кровати и начал активно жестикулировать и беззвучно двигать губами – по этим признакам можно было судить о бурной речи, но ни единого слова не слетело с его уст.

Слуга едва заметно усмехнулся и достал из заплечной сумки папку бумаг – очевидно, он без слов понял все проблемы гостя. Наскоро отметив нужные пункты, этот странный человек протянул бумаги Глебу и стал, почти сомкнув веки, ожидать, пока тот прочтёт выделенное.

Непонятные листы оказались страницами договора с подписью Глеба в самом конце – только сейчас он осознал, что не помнит ровным счетом ничего с того момента, как переступил порог гостиницы.

Отмеченные пункты гласили, что постояльцы обязаны единовременно оплатить услуги гостиницы в полном объёме до того, как покинут пределы номера, в противном случае служащие вправе удерживать посетителя до внесения средств на счёт. Оплату можно осуществить имуществом, находящемся в собственности постояльца; если оно куплено в кредит, кредитные выплаты должны быть полностью погашены (у Глеба промелькнула мысль, что ни его машина, ни квартира этому пункту не соответствовали). Стоимость имущества должна быть оценена специальной комиссией и полностью покрывать счёт за предоставленные гостиницей услуги.

По мере того как Глеб вчитывался в абсурдные условия подписанного им неизвестно когда договора, он осел на кровать, ему начало казаться, что вся та свежесть и бодрость, которой он так обрадовался, проснувшись, будто уходит из него и, просачиваясь сквозь постель, бесследно рассеивается.

Последний помеченный слугой пункт гласил о том, что в случае невозможности оплаты счета ни одним из указанных выше способом, постоялец может отработать необходимую сумму в качестве служащего гостиницы, сроки работы рассчитывались индивидуально в зависимости от величины задолженности.

Это пункт вызвал у Глеба уйму вопросов. Ещё не успев как следует всё обдумать, он увидел перед собой новый договор, протянутый оказавшимся прямо перед его лицом служащим. Слуга как-то заговорчески улыбался, возможно, такое впечатление создавалось за счёт того, что улыбка никак не сочеталась с его изнеможённым, крайне усталым лицом.

Глеб вдруг почувствовал себя совсем разбитым, одиноким и глубоко несчастным – раньше таких внезапных приступов депрессии с ним никогда не случалось. Он начал отчуждённо пролистывать новую кипу густо исписанных страниц. Невнимательно пробегая глазами пункт за пунктом, он смог уловить только то, что ему предлагается в паре с другим, более опытным служащим встречать посетителей и сопровождать их к месту отдыха. Работать предстояло по двенадцать часов (или больше, при желании); на время работы сотруднику предоставлялся для жилья один из номеров гостиницы.

Когда Глеб дошёл до раздела об оплате труда, он решил, что останется здесь работать и после погашения своего долга – таких окладов он не видел никогда, по его примерным подсчётам, он смог бы оплатить все свои кредиты и счёт за услуги гостиницы всего за какой-то месяц с небольшим. К тому же Глеб только вышел в долгий отпуск на своей работе, поэтому, в сущности, ничего не терял.

Глеб перевёл глаза на слугу, тот уже протягивал ему ручку; теперь-то он понял, почему этот бедолага так изнеможённо выглядит – он, очевидно, пытается заработать побольше денег, судя по его виду, на всю оставшуюся жизнь себе и всем родным в максимально короткий срок.

Служащий продолжал загадочно улыбаться, и Глеб увидел в этом подтверждение своей новой догадки. Это его слегка ободрило и он, пробежав глазами последний раздел о поддержании в гостинице абсолютной тишины, взял ручку из рук слуги и наскоро расписался в конце договора.

Служащий удовлетворительно кивнул.

Окрылённый подписанием столь выгодного контракта, Глеб набрался смелости и решил, соблюдая правило поддержания абсолютной тишины, спросить у слуги, как долго тот работает здесь и как много ему уже удалось заработать. Для этого Глеб придумал нехитрый способ: он открыл договор на пунктах о времени работы и оплате труда и, демонстративно потыкав в них пальцем, плавно перевёл указательный палец в направлении служащего. Тот, моментально смекнув, чего от него хотят, достал из кармана небольшой похожий на смартфон гаджет и показал его светящийся экран Глебу. Дисплей отображал таймер со следующей информацией:

«Уважаемый Морт, до полной уплаты долга гостинице "Сон" вам необходимо отработать ещё 3 года 5 месяцев 24 дня 7 часов 39 минут 17 секунд».

21:06:42:13

В течение следующих нескольких дней Глеб ходил за Мормом как оглушённый, безропотно выполняя все указания.

В том, что эта гостиница находится под покровительством сатаны или кого-то, непременно, ему подобного, у Глеба не возникало уже никаких сомнений.

Во-первых, за время своего нахождения здесь Глеб ни разу не ел и при этом не чувствовал никакого голода. О еде он вспомнил лишь тогда, когда один из посетителей перед входом в гостиницу доел какой-то шоколадный батончик. Но удивление этим странным фактом быстро сошло на нет: аппетит так и не появлялся, никакого истощения Глеб за собой не отмечал. Морт на все вопросы о еде отвечал однозначно: «Работай и не забивай себе голову ненужными вещами». И Глеб, послушавшись напарника, продолжал работать, и вскоре напроочь позабыл об этом странном казусе.

Во-вторых, в голове Глеба постоянно была какая-то гулкая пустота, подавляющая любые движения его мыслей. Удивляло, что, несмотря на такое схожее с трансом или полусном состояние, все действия он выполнял без какой-либо заторможенности и в добавок достаточно быстро понимал то, что пытался донести до него Морт. Общались они при помощи одного очень интересного способа, придуманного самим Мормом: тот доставал из своей заплечной сумки какой-нибудь договор и указывал ручкой на отдельные буквы, из которых они в уме составляли слова. В скором времени Глеб настолько к этому привык, что такое общение стало казаться ему само собой разумеющимся; мыслей о том, что можно общаться как-то иначе, как, впрочем, и мыслей вообще, почти не возникало – только гул пустоты внутри головы и ничего кроме.

В-третьих, Глеб стал практически уверен в том, что всё в гостинице находится в постоянном движении и ежеминутно меняется: спускаясь и поднимаясь по одной и той же лестнице, можно было оказаться в разных, порой совсем незнакомых местах; количество комнат на этажах изменялось в зависимости от количества посетителей. Весь интерьер в гостинице за исключением комнат был выполнен из лакированного дерева: ниши в стенах, лестничные перила, статуэтки, напольное покрытие. Иногда создавалось ощущение, будто эта древесина до сих пор живая и продолжает расти: то в нише появится новая причудливая статуэтка, то орнамент паркета в холе изменится до неузнаваемости, то резные узоры приобретут новые изгибы и элементы. Помимо этих удивительных особенностей дизайна, Глебу бросалось в глаза отсутствие зеркал и хотя бы каких-то картин, при том, что на стенах висело множество громоздких резных рам, явно для этого предназначавшихся.

Но все эти странности меркли перед главной – сном.

Несмотря на то, что спать хотелось практически всегда, заснуть где-либо, помимо выделенной комнаты, попросту не удавалось, хотя сознание и было постоянно окутано пеленой дремоты, оно вовсе не отключалось и продолжало беспрестанно работать на благо гостиницы. Именно эта особенность местных условий труда и позволяла Морму вовсе обходиться без сна и работать круглыми сутками. Поначалу Глеб с ужасом смотрел на своего напарника, думая, что тот скорее погубит себя, чем погасит треклятый долг, но проработав с ним несколько дней кряду, понял, что и сам ни минуты не спал и, вероятно, стал выглядеть не менее измождённым, чем Морт.

Глеб решил, что не позволит этому месту поработать себя, выжимая до последней капли его жизненные силы и, оставив своего компаньона на посту, отправился искать комнату, в которой началось его трудоустройство. Именно тогда он впервые остро столкнулся с проблемой постоянно изменяющейся планировки гостиницы.

Поднявшись на второй этаж, Глеб быстро нашёл нужный ориентир, он запомнил его ещё в первый день, выходя из комнаты вслед за Мормом, спешащим познакомиться нового напар-

ника с местом работы. Выбранным маячком была резная деревянная статуэтка, изображавшая девушку в накидке, молитвенно сложившую перед собой руки. Она помещалась в нише, расположенной в стене рядом со входом в комнату.

Глеб подошёл к нужной, как ему казалось, двери и уверенно толкнул её. К его удивлению, она даже не шелохнулась. Подобным образом он также безрезультатно толкнул ещё несколько дверей. Дойдя до следующей ниши, Глеб увидел статуэтку идентичную той, что была выбрана им в качестве ориентира.

«Наверное, я что-то напутал», – подумал Глеб: он был уверен в том, что такая статуэтка на этаже единственная, но это место, как обычно, ставило всё привычное под сомнение.

Отворить двери, расположенные по коридору за второй статуэткой, тоже не удалось, и Глеб в расстроенных чувствах решил идти обратно, искать помощи у Морта – тот в гостинице ориентировался безошибочно. Проходя мимо первой ниши, Глеб невольно посмотрел на статую – капюшон накидки был откинут, открывая красивое женское лицо, ладони девушки были опущены на руки мужчины, обнимавшего её сзади.

«Нет, такого не заметить я точно не мог!» – думал изумлённый Глеб, двигаясь дальше по коридору.

Но на этом сюрпризы не заканчивались. На месте лестницы, ведущей вниз, оказались ступеньки на третий этаж и выше (хотя куда "выше", Глеб не понимал – он был уверен: гостиница трёхэтажная). Машинально поднявшись наверх, Глеб окончательно убедился в том, что, оставшись без Морта, попросту заблудился, ибо теперь было совсем не понятно, куда идти дальше.

Он решил остановиться и обдумать обратный маршрут с учётом отсутствующего лестничного пролёта: размышлять здесь было сложно постоянно, но на ходу это не удавалось вовсе.

Глеб опёрся спиной о стену, точнее попытался – внезапно он начал пятиться назад, не найдя опоры, и понял, что облокотился не на стену, а на дверь, так не кстати открывшуюся.

От неожиданности Глеб ругнулся – губы беззвучно шевелились, обозначая набор нецензурной брани.

Ему хватило мгновения, чтобы понять: он оказался в той самой комнате.

Дверь начала автоматически закрываться, в то время как Глеб, уже не обращая никакого внимания на бесчисленные причуды этого места, поспешно сбрасывал с себя одежду, готовясь скорее предаться сну. Как только голова коснулась подушки, его буквально выключило.

Но проснулся Глеб не по собственной воле, как в прошлый раз, а от интенсивных толчков в бок – испуганно озираясь, над ним стоял Морт и кивками головы, не прекращая толкать, призывал скорее подниматься с постели. Но быстро сделать это не удавалось: у Глеба начинали закрываться глаза, и сон вновь обволакивал его сознание.

В тот момент, когда Морт уже готов был вовсе спихнуть его на пол, Глеб собрался с силами и кое-как начал сползать с кровати.

Как только он оказался на полу, сонливость, как рукой сняло. На смену ей пришли бодрость и осязаемый заряд внутренней энергии – это напоминало необычайный прилив сил после того, первого, сна, только теперь всё было менее выражено.

Пока Глеб, стоя на четвереньках у кровати, разбирался в своих ощущениях, Морт перебирал его вещи, ошупывая в поисках чего-то каждый карман. Наконец он нашёл необходимое и направился к очумевшему напарнику, который недоумённо смотрел не столько на него, сколько на протянутый ему гаджет – и надо сказать, дней до полной отработки долга там поприбавилось чуть ли не вполовину.

Глеб сразу понял (сон осязательно сказывался на скорости мыслительных процессов), что, предоставив комнату, гостиница не обязывалась оплачивать свою главную (если не единственную) услугу. Цифры на экране, в который Глеб не заглядывал с момента выдачи ему таймера, ясно давали понять: долг можно отработать, да и уйти в значительный плюс, труда не составит

– вот только спать для этого ни в коем случае нельзя, ибо стоимость необычайного тонуса и неимоверного заряда бодрости несоизмеримо больше тех сумм, что можно здесь заработать.

В подтверждение этих догадок Морт, пригласив напарника на кушетку, начал показывать ему очередные, упущенные при первом прочтении пункты договора. А затем при помощи местного способа общения поведал о том, как в поисках оптимального баланса между трудом и сном и в попытках обхитрить эту жуткую систему он и заработал долг, так ужаснувшийся Глеба в первый день и не дававший ему покоя до того момента, пока компаньон не принёс ему новость откуда персональный таймер, показывавший лишь семнадцать с небольшим дней.

Уже малость поникший и слегка утомлённый Глеб (теперь он не сомневался, что сон в кредит быстро теряет свой эффект, об оплаченном он судить не мог, но с ним, судя по притоку постояльцев, дела обстояли по-другому) решил задать только сейчас показавшийся ему очевидным вопрос: «Неужели отсюда нельзя сбежать?». Морт посмотрел на него, как на полоумного, и, покрутив пальцем у виска, ответил: «Будешь встречать гостей у двери, попробуй немного высунуть руку за пределы гостиницы, и ты сразу всё поймёшь».

15:09:28:04

Морт в очередной раз пришёл сменить Глеба на посту у монитора и последний, нехотя поднявшись, побрёл в холл, сел на кушетку и стал дожидаться посетителей, погрузившись в ставший уже обыденным полутранс.

Менялись они каждые двенадцать часов. По крайней мере Глебу так казалось: часов в гостинице не было, и о ходе времени можно было судить, только засекая время на экране гаджета, постоянно ведущего обратный отсчёт до момента полной отработки долга. Глеб не любил пользоваться этим устройством, особенно после начисления счёта за тот, второй, сон, благо, своевременно прерванный Мортом – иначе долг бы вырос значительно больше. Был и ещё один способ отследить ход часов: отрывая дверь гостям, посмотреть, какое на улице время суток. Правда, там было почти всегда одинаково сумеречно: в холле Глеб заступал на ночные дежурства, а свет вывески гостиницы выравнивал уличную темноту до постоянной полумглы. Вскоре Глеб привык к безвременью и перестал забивать себе голову размышлениями по этому поводу. Он предельно растворялся в полусне, ожидая появления новых гостей.

Напротив кушетки, которую обыкновенно занимал дежурящий в холле, располагались две лампочки. Левая лампочка была поменьше и загоралась, когда снаружи вновь прибывший посетитель касался кнопки дверного звонка, тем самым уведомляя служащих о своём появлении и желании стать постояльцем гостиницы.

Правая, более крупная, лампочка загоралась по иному алгоритму. Неподалёку от входной двери располагалась небольшая каморка, оборудованная монитором, на который выводилось чёрно-белое изображение с двух камер, расположенных снаружи и позволявших увидеть посетителя, стоявшего на пороге гостиницы. В этой маленькой комнатке дежурил второй служащий. Если слуга замечал, что посетитель явно намерен попасть в гостиницу, но не может найти звонок или, игнорируя его наличие, гордо дожидается пока двери сами перед ним откроются, то он нажимал специальную кнопку, расположенную на стене слева от монитора. Тогда-то и загоралась правая лампочка, уведомляя дежурящего в холе, что пора идти встречать особенно отличившегося постояльца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.